

Москва
РАБТ

18-24.1
2001

В ГАБТе опустили занавес Мариинки

Гергиев-гала

Итак, декларация о дружбе и сотрудничестве двух театральных гигантов провозглашена. По сценарию случая грандиозный питейный дачи на сцене Большого концерт, на котором Москва (не видевшая е Мариинским театром и с тех пор, как два года назад он и ГАБТ обменялись гастролями) засиделась до полуночи. Валерий Гергиев привез тех, кого не сбива с ног простуда, и составил такую программу, которая, по его мнению, не должна была наскучить. Выбранные для этого средства — маэстро не перемешал балет с оперой, а отпустил тому и другому по отделению, маэстро предпочел шлагеры из шлаггеров, маэстро разбавил сольные номера в оперной части дуэтом из сценами. О результатах его трудов — ниже

Трое на Олимпе, не считая дирижера

Большой гудел у нас так петь не могут. Могут Выйти на последние габтовские солисты с одной выигранной для себя армией, и скажут свет таюх не знал. Разница в том, что мариненец не потускнеет и на пространстве целого спектакля, а у нас вокалисты целые спектакли пускают под откос (пример — «Онегин»). В чем секрет — известно даже младенцу. Простому нет смысла тянуть героем и этого концерта питейцев стал Гергиев. Пел, дышал, светился его оркестр — прибавляли в интересности и вокалисты. Хотя монопольной когорты — все, как один, в экстра-форме, все, как один, творцы высокого полета — они не предвзяты.

Из 18 певцов (включая исполнителей ролей второго плана) на вершине обрелись трое. Первый — Сергей Алексашкин, традиционно не блиставший красотой голоса, но берущий способностью к внутренней работе, на аллюрий внешнего блеска, но достигающий глубины образа (Король Филипп). В этом смысле его совершенным антиподом стал Василий Герелло, о котором когда-то говорили: лирический баритон редчайшей красоты. Но

как красавица, не обремененная ни жакетом сердца, ни жизнью духа, с годами делается душной, так этот голос стал пуст. Даже Гергиев не мог вернуть ему многообразие красок, но железной рукой настроил певца на дует (Энрико и Лочини из «Лючим ди Ламмермур») мог. Во всем уступал Герелло мастернице жертвенной слезы, изысканной Ирине Дюжовой, но — не в желании сделать ансамбль. После которого, впрочем, все равно — ей на Олимп, ему в толпу, пусть и изобранных. Туда, где нервно бьется маэстро Марианны Тарасовой (Рассказ Азучены), где мучается своей оперной ролью чудесный камерный тенор Даниил Штода (ария Вертера), где всего лишь корректно выводит Снегурочку Ольга Трифонова и где пребывает в ментах о маэстро-сопрано карьеры сопрано Ирина Гордей, что убеждает непринужденностью звуку Леонору из «Силы судьбы», то являющая лучшее, что есть в Мариинском театре, — выразительность музыкального образа. Это — в «кабинетной» сцене из «Дон Карлоса», для которого, к слову, питейцы везли собственную декорацию. Для сцены из «Бориса», по счастью, делать того же не пришлось, он в текущем репертуаре Большого.

В московской декорации блистал третий олимпиец Мариинского театра — Николай Путилин. Голос почти

неузнаваем — беспрецедентная традиционность образа и традиция исполнения Бориса басами спустились. И пусть на низкий не хватало мяса, путилинская работа — как сплав вокального и актерского — впечатляла. На этом занавес Мариинского театра (тоже привезенный с собой) опустили. До апреля, когда Гергиев привезет на «Золотую маску» «Золото Рейна» и «Дон Жуана».

Лориса ДОЛГАЧЕВА

Этот танец лучше слушать, чем смотреть

После мощнейшей и торжественной увертюры к балетовскому «Тангейзеру», которую буквально обрушил на публику дирижер в начале второй части концерта, неожиданно бледной показалась заглавная по ориентации балетная программа, хотя и была она составлена интересно и небанально, без включения каких-либо сильно поднадоевших лебединых и доносотворских па де де. Из русского репертуара в ней присутствовало лишь «Видение розы» М Фокина. За ним последовали любовный дует из первого действия балета «Манон» англичанина К.Максимилана и лирический дует из балета американца Дж.Роббинса «В ночи». А Дж.Баланчин был представлен не только популярным па де де на музыку П.Чайковского, но и «Рубинями» на музыку И.Стравинского — средней частью его хореографического триптиха «Драгоценности». Другой вопрос, насколько удачным оказался подбор исполнителей, несмотря на то, что марининский балет показал своим лучшие силы. Отсутствовали разве что балетная «икона» театра Ульяна Лопаткина да две опытниши балерины старшего поколения — Алтынай Асылмуратова и Юлия Махалина.

Что в марининском балете далеко не все благополучно с мужским со- ставом, подтвердил и гала-концерт

Никакого отношения к мистическому и таинственному образу призрака розы (его секреты редко кому удастся разгадать) не имеет суховатый, неспокойный Игорь Колд, который выступил с нейтральной петербургской «классической» Жанной Аюповой (партия Девушки). Героями миниатюры Фокина оказались дирижер, виолончелист да оркестр. Слушать «восьмью глазами» приятно, чем смотреть сами танцы.

Давно исполняет па де де Баланчина — Чайковский виртуозный и атлетичный Игорь Золотовский, но танец его в последние время стал более тяжеловесным и менее точным. Прекрасной баланчинской провела себя в «Серебри» и «Аполло» его партнерша Светлана Захарова, хотя представленное на гала-концерте па де де не очень-то подходит длинноруким и длинноногим балеринам: временами она «чувствует» себя неутою, даже неуклюже. В этом номере, поскольку его хореографический текст — искристый и темповый — рассчитан на балерин типа Виолетты Верди. А драматично-му драматично Ирины Никуды — интереснейшей Марины Баран — чудно восторженно-эмоциональный и изысканный по стилистике «английский дует» Манон и кавалера де Грие. Да и Илья Кузнецов в этом номере проявил себя надежным партнером — и только. На тонкую, настоящую балерину, а не простую солистку, какой является Софья Гумерова, рассчитан и робинзонский дует из балета «В ночи» на музыку Ф.Шопена, который Гумерова исполняла в паре со сдержанно-элегантным Евгением Иваненко. Недавно вспоминал баланчинский балерин, парижский дует, первых исполнителей дуета (как и балета в целом) в самой Мариинке.

Древние утверждали, что у каждого драгоценного камня своя символика, своя магическая сила. Есть она и в «Драгоценности» Дж.Баланчина. Недаром «Рубины» на «Камричид» И.Стравинского — их центральная часть. Она оказалась самой интересной и на премьере в Мариинском театре. Но вырванная из контекста балета, она многое утратила в концертном исполнении. Менее яркими и глубокими показались ее хореографические шутки и остроумные парадоксы, которые особенно выделяются на фоне двух других частей — романтических «Мариинки» и классических «Бриллиантов». Очень старались и даже сильно перестарались балерина Диана Вишнева и ее партнер Вячеслав Самодуров. Недавно в спортивно-напористом танце Вишнева проявлялись не лучшее вкуса эстрадные интонации, а Самодуров предстал откровенно протоскопическим танцовщиком. Подозрительно не наблюдалось на премьере в Мариинском театре Помино и Майю Дученко в третьей сольной партии балета. На гала-концерте в трактовке Татьяны Амосовой эта роль оказалась пустым местом. Героями «Рубиней» опять-таки оказались пианистка и оркестр Мариинского театра под управлением Валерия Гергиева, который, вне сомнения, победу переиграл всех своих балетных звезд.

Слева: В.Гергиев

Справа: С.Захарова и И.Зеленский. Па де де на музыку П.И.Чайковского

Виолетта МАЙНИЦЕ